

А. П. Попов

**Целеполагание
в современном отечественном
уголовном судопроизводстве**

DirectMEDIA

Алексей Попов

**Целеполагание в современном
отечественном уголовном
судопроизводстве**

«Директ-Медиа»

2014

УДК 343
ББК 67.3408(Рус)

Попов А. П.

Целеполагание в современном отечественном уголовном
судопроизводстве / А. П. Попов — «Директ-Медиа», 2014

Монография содержит результаты обнаружения и идентификации проблемной ситуации в сфере уголовного судопроизводства. Автор изучает и строит систему целеполагания применительно к современному отечественному уголовному судопроизводству. Выведена дефиниция и раскрывается содержание понятия «целеполагание». Исследуется понятие «целеполагание» в уголовном процессе, его определение, признаки, элементы, а также освещается значение системы целеполагания в уголовном процессе. Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов высших юридических учебных заведений.

УДК 343
ББК 67.3408(Рус)

© Попов А. П., 2014
© Директ-Медиа, 2014

Содержание

Пять реплик научного редактора	5
Введение	10
Глава 1. Понятие целеполагания в уголовном судопроизводстве и его дефиниция. Иерархия целей и задач в УСП	18
Глава 2. Цель отечественного уголовного процесса	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Алексей Павлович Попов

Целеполагание в современном отечественном уголовном судопроизводстве

Пять реплик научного редактора

Реплика первая – ИГРА

Надо ж такому случиться! Я закончил чтение монографии, которую читатель держит в руках, а я штудировал в качестве научного редактора.

Книга меня увлекла. Наверное, поэтому, читая, я не обращал внимания на то, что в комнате включен телевизор. Когда же, перевернув последний лист, я поднял голову от рукописи и прикрыл ладонью уставшие глаза старого человека, то совершенно отчетливо услышал с экрана: «В игре главное – не цель, главное – игра». Это был телесериал «Сыщики», одна из его многочисленных серий, оказавшаяся в эфире 22 июля 2005 г. Речь на экране, естественно, шла о компьютерных, виртуальных играх.

Краткий и достаточно яркий афоризм тут же наложился на проблемы из только что прочитанного текста. Образы переплелись. И у меня в голове вдруг отчетливо сформировалась мысль, которую, насколько я сейчас ориентируюсь в своих мыслях и словах, нигде ранее не высказывал, во всяком случае, ни своих, ни чужих публикаций такого рода не помню.

Сейчас, когда я ее сформулировал, мысль эта представляется такой очевидной, такой прозрачной, что мне становится совершенно непонятным: почему раньше она не пришла в голову мне самому, моим единомышленникам или моим ученикам?

Может быть, в силу ее кощунственности? Нет! Не думаю, что истина от того, что ее идентифицировали и высказали, может стать кощунственной.

Истина эта заключается в следующем. *Тенденции, явственно проявляющиеся в пропагандистских, теоретических и учебных материалах, в трансформации государственного (конституционного), судостроительного и судопроизводственного права (в криминальной их части) в направлениях изменения современного отечественного уголовного судопроизводства все больше обращают такую отрасль государственной деятельности, как уголовный процесс в – *terribiliter dictum*¹ – ИГРУ.*

Ситуация действительно пугающая. *Ведь она представляет собой не просто игру, а игру человеческими судьбами.* Подчеркнем: *не только судьбами обвиняемых, осужденных и оправданных, не только судьбами индивидов, пострадавших от преступлений, ставших и не ставших потерпевшими, но и судьбами оперативных уполномоченных, следователей, прокуроров, судей и многих других людей, действующих в уголовном процессе ex officio², выполняющих функции-задачи своих должностей и органов.*

Настоящий профессионал, действующий сегодня в сфере УСП, раздираем противоречиями. Наиболее болезненные среди них – 1) между профессиональными требованиями, происходящими из традиционного целеполагания в отечественном уголовном процессе, с одной

¹ Лат. «страшно сказать». Экклезиаст. Auctores Ecclesiastici.

² Лат. «по должности».

стороны, и привносимыми в него чужими традициями и обычаями, к тому же подчас толкуемыми умозрительно, без учета условий места и времени, в которых они рекомендуются к применению – с другой; 2) между тем, что записано в действующем уголовно-процессуальном законе, что звучит в его толкованиях и пропагандистских лозунгах, с одной стороны, и действительным положением дел в реальном уголовном судопроизводстве – с другой; 3) между насаждаемой в обществе и государстве этикой рыночных отношений, с одной стороны, и классической профессиональной этикой русского следователя, основывающейся, в частности, на русской общине и коллективизме народа (etc.), теорией «Государства Правды», и государства обязанностей – с другой.

А. П. Попов цитирует сторонника «Государства Правды» Ивана Пересветова. И. Пересветов строит свое государство на основе евангельских заповедей. На этих же заповедях, естественно с учетом специфики следственной работы, зиждется этика русского следователя.

Вернемся, однако, к обоснованию адекватности образа игры тенденциям современных изменений отечественного уголовного процесса.

Аргумент первый. Законодатель провозгласил состязательность принципом уголовного процесса. Названные выше *пропагандистские* (эти наиболее настырны), теоретические и учебные материалы *подталкивают законодателя к аннексии состязательностью, кроме судебного разбирательства, еще и предварительного расследования*. А что такое *состязание*, как не игра? Не случайно там, где состязательность в чести, в ходу и термины «*выиграть процесс*», «*проиграть оный*».

Аргумент второй. При этом уголовное судопроизводство – это не естественное состязание между равноправными игроками или командами. Я действительно увидел в уголовном процессе игру именно компьютерную. Ищущий истину следователь (оперативный работник, прокурор) продвигается к ней через нагромождения препятствий, которые для него придумали авторы игры. Хотя законодатель и провозгласил в ч. 4 ст. 15 УПК РФ 2001 г., что стороны обвинения и защиты равноправны перед судом, между сторонами равноправия нет.

Аргумент третий. Лозунги, как и положения высокой степени (высокого уровня) общности, в уголовном судопроизводстве сами по себе редко проводятся в жизнь. Для того чтобы они реализовывались в уголовно-процессуальной деятельности, они должны быть проведены в нормах менее высокой степени общности, регламентирующих порядок проведения процессуальных действий, права и обязанности (процессуальный статус) соответствующих участников уголовного процесса.

Аргумент четвертый. В реальном, а не выдуманном современном отечественном уголовном судопроизводстве из числа лиц, совершивших преступления, привлекается к уголовной ответственности едва один из десяти. При этом далеко не самый опасный преступник и не тот, кто совершил наиболее опасное преступление. Привлекается к ответственности, как правило, тот, до кого «достали укороченные различными ограничениями руки» правоохранительной системы. Разве это не игра? – Детская игра в «пятнашки»!

Мне, ей-богу, хотелось бы увести уголовный процесс от аналогии с игрой, хотя бы и не компьютерной. Однако, оставаясь честным перед самим собой, признаюсь, что сделать этого я не могу.

Причины, в связи с существованием которых цель уголовного процесса не достигается по девяти совершенным преступлениям из десяти, рассыпаны по всей технологической цепочке общественной, индивидуальной и государственной реакции на преступление. Употребленный в предыдущей фразе оборот *цель уголовного процесса по совершенным преступлениям* звучит не очень строго. Однако научный редактор не знает, как его поправить. Дело в том, что сказать *цель уголовного процесса не достигается по девяти из десяти возбужденных уголовных дел* тоже не совсем строго. Далеко не по всем преступлениям уголовные дела возбуждаются.

Этих проблемных ситуаций автор книги касается, более того, он их скрупулезно исследует. Правда, образ игры как портрет современного отечественного уголовного судопроизводства он не использует. И, может быть, правильно делает. Этот образ – уже результат восприятия реалий современного отечественного уголовного судопроизводства научным редактором. Однако я не случайно начал с утверждения, что ассоциация с компьютерной игрой родилась на основе прочитанной книги.

Реплика вторая, касающаяся объекта и предмета разговора

Такое восприятие становится возможным вследствие характера труда, созданного А. П. Поповым. Характер любого труда специфичен, прежде всего, его объектом и предметом. Помнится, проф. В. Н. Григорьев (на него нередко ссылается автор настоящей книги) во времена своей научной молодости, представляя задержание как предмет освещения предпринятого им учебного пособия, писал: «...предпринята попытка комплексного рассмотрения процедуры задержания подозреваемого. В отличие от традиционного подхода, в основу исследования положен анализ самой деятельности органов внутренних дел, а не ее законодательной модели или отраслевой принадлежности регулирующих норм. Задержание рассматривается как целостная динамическая система, которая охватывает все действия, начиная с захвата лица, доставления в служебное помещение, водворение его в ИВС и кончая разрешением вопроса о применении меры пресечения».³

Реплика третья, касающаяся соотношения теории и практики

А. П. Попов по своему генезису практик. Он и высшее юридическое образование получил в специализированном вузе МВД СССР – Горьковской Высшей школе МВД (ныне Нижегородская Академия МВД РФ), специализировавшейся на борьбе с экономическими преступлениями, и уже более двух десятков лет служит в органах внутренних дел на оперативных и руководящих должностях. Кандидатскую диссертацию автор монографии в свое время защитил по теме также сугубо практической – «Непосредственное обнаружение признаков преступления как повод к возбуждению уголовного дела»⁴.

Пройденный этим юристом путь не мог не сказаться на характере монографии. Свои мысли, умозаключения, выводы А. П. Попов не держит взаперти. Он выводит их на улицу, на свидание с реальными проблемными ситуациями, сверяет практичность теории с судебной, розыскной и оперативной практикой.

В монографии А. П. Попов несколько раз ссылается на еще более маститого, чем он сам, практика, из россиян без всякого движения со своей стороны ставшего украинцем, который не забывает о здравом смысле и пребывая на заснеженных теоретических вершинах, Б. Г. Розовского⁵. Мне кажется, есть сходство у них в подходах. Высказанную и логически (теоретически, методологически) обоснованную идею они проверяют на конкретной жизненной ситуации.

³ Григорьев В. Н. Задержание подозреваемого органами внутренних дел: Учебное пособие. – Ташкент: ТВШ МВД СССР, 1889. – С. 6.

⁴ Попов А. П. Непосредственное обнаружение признаков преступления как повод к возбуждению уголовного дела: Дис... канд. юрид. наук. – Н. Новгород: Дис. Совет Д-О52.09.01, 1999.

⁵ Представляя читателю книгу А. П. Попова, не могу не порекомендовать ему весьма своеобразную и глубокую книгу: Розовский Б. Г. Ненаучные заметки о некоторых научных проблемах уголовного процесса: Эссе. – Луганск: РИО Луганской Академии Внутренних дел, 2004. – 600 с.

Реплика четвертая, «замечательная»

Какой же научный редактор позволит себе оценивать редактированную им книгу и не сделать ни одного *замечания*? Не стану отступать от обычая и я.

Монография А. П. Попова, к нашему общему с автором сожалению, не лишена тех недостатков, которые свойственны большинству книг, написанных без отрыва от повседневной работы. А надо ли объяснять, какая повседневная работа у руководителя горрайоргана внутренних дел? К тому же горрайоргана, территория обслуживания которого находится вблизи Чеченской и совсем рядом с Карачаево-Черкесской республикой. Предлагаемая читателю книга писалась ночами и редкими выходными днями. В монографии имеются отдельные структурные нечеткости (можно было бы понагляднее распределить материал), случаются повторы.

При восприятии отдельных фрагментов, отделенных от предшествующего и последующего пробелами, иногда (крайне редко, конечно) создается впечатление, что они не связаны ни с первым, ни со вторым. Как, например, вот этот абзац из главы 8-й, посвященной функциям-задачам правоохранительных органов и должностных лиц: «В этой же связи отметим следующее обстоятельство: правоохранительная система создана для решения публичной задачи защиты общества от преступлений и правонарушений – борьбы с преступностью и другими правонарушениями, сдерживания преступности и правонарушений, контроля преступности и правонарушений и т.д. В то же время каждый ее функционер озабочен собственными делами, собственной жизнью: детьми, женой, любовницей, зарплатой, отпуском и т.д. Детей надо выучить, с женой жить, в худших случаях – сосуществовать, любовницу скрывать, иногда содержать и т.д. и т.п. Эти заботы нередко вступают в противоречие с имеющимися у индивида возможностями: финансовыми, временными, другими».

Перед этим абзацем речь идет о специфике функций-задач различных органов и должностных лиц, выступающих в качестве участников уголовного процесса, а после него цитируется кибернетик, пишущий о средствах связи социальных организмов.

Конечно, связь между суждениями можно было бы сделать гораздо более легко читаемой. Однако мне хотелось бы обратить внимание на другое, на содержание приведенного суждения. Ведь в нем эмбрион целой совокупности нуждающихся в более подробном рассмотрении вопросов, касающихся социально-психологического аспекта проблемной ситуации и ее преобразования. Проблемы социально-психологической атмосферы (внешних связей) функционирования органа и социально-психологического климата (его внутреннего состояния).

Что касается отдельных структурных недочетов, думается, что А. П. Попов справится с ними и сделает это в ходе дальнейшей работы. Ведь она, скрупулезная работа – это такая инфекция, к которой гораздо легче привязаться, чем от нее отвязаться.

И автор (повторными чтениями) и научный редактор пытались выловить указанных «блох». Однако не во всех случаях им это удалось. Не во всех случаях удалось научному редактору выловить «блох» хотя бы путем указания автору на них, по той же причине, по которой автор их допустил.

В этой связи научный редактор и, естественно, автор были бы признательны читателям за любые пожелания и замечания в адрес монографии, которые они (читатели, коллеги, подельники по Нижегородской школе процессуалистов) сочли бы возможным высказать.

Возможно, кто-нибудь из читателей считал бы правильным, чтобы научный редактор пожурил автора за принятый им несколько свободный тон. Такого замечания можно было ожидать от кого угодно, только не от *этого* научного редактора. За сорок лет я не сделал ни одного замечания в *ненаучности*⁶ *стиля* ни одному из многих и разных авторов, которых мне

⁶ С чувством зависти (почему не я?) я воспринял заголовок, который дал своей книге (я уже говорил о ней) украинский

приходилось редактировать в разных качествах: научного руководителя адъюнктов (аспирантов), научного консультанта соискателя докторской степени, четвертьвекового руководителя кафедры и заместителя начальника специального вуза по научной работе. Я никогда не считал, что глубокие мысли обязательно должны облекаться в скучные слова.

И кандидатская диссертация, и другие публикации автора этой книги написаны тоже достаточно свободным стилем. Те, кто их читал, согласятся, что это им не вредит. Более того, делает их более убедительными.

Реплика заключительная, касающаяся безусловной новизны подхода, применяемого автором книги

И, наконец, пятая реплика научного редактора. Может быть, ей следовало быть первой.

В предлагаемой вниманию читателя книге он найдет результаты обнаружения и идентификации проблемной ситуации в сфере уголовного судопроизводства, в современной отечественной уголовно-процессуальной, и не только уголовно-процессуальной, литературе исследованию на монографическом уровне еще не подвергавшейся. Дело не только в том, что единственная монография такого плана – книга П. С. Элькин⁷ «Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве» написана почти треть века назад. Эта книга не принадлежит к числу «однодневок». Дело в том, что содержание исследования П.С. Элькина составляет интерпретация философского учения о целях и средствах их достижения применительно к уголовно-процессуальному праву. А. П. Попов же изучает и строит систему целеполагания для современного отечественного уголовного судопроизводства.

Указанная проблемная ситуация заключается, во-первых, в серьезной рассогласованности целеполагания в современном отечественном уголовном судопроизводстве и коррелирующих с ним отраслей государственной деятельности – административной, оперативно-розыскной. Во-вторых, в недостаточно строгом определении содержания элементов целеполагания в уголовном процессе и таком же подходе к установлению иерархии между ними.

Рассогласованность содержательная начинается с отсутствия терминологической научной строгости как в теоретической и учебной литературе, так и в законодательных текстах.

Думается, если бы монографии, подобные той, которая предлагается читателю, были распространены и были востребованы законодателем, действующий УПК РФ имел бы совсем другой вид, чем тот, который он имеет сейчас, а вот дополнений и изменений к нему предлагалось и даже принималось бы гораздо меньше.

*Научный редактор
Заслуженный деятель науки России проф. В. Томин
Н. Новгород*

(в прошлом – советский) автор – «Ненаучные заметки о некоторых научных проблемах уголовного процесса»

⁷ Элькин П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. – Л.: Изд. ЛГУ, 1976. – 143 с.

Введение

В 2002 г. в России было зарегистрировано 2526,3 тыс. преступлений; в 2003 – 2756,4 тыс.⁸ Не внушают оптимизма показатели, свидетельствующие об отторжении на входах в систему уголовного судопроизводства, в особенности в дежурных частях милиции, сигналов о преступлениях. Таким образом, итак высокий уровень латентной преступности существенно возрастает за счет укрытия преступлений от регистрации и учета. Цифры, характеризующие возмещение вреда лицам, пострадавшим от преступных посягательств, чрезвычайно низки. Шокирующие данные статистики и социологических исследований по этим показателям давно уже никого не шокируют. Привыкли.

Постоянный, начиная со второй половины 80-х годов, рост преступности в России заставляет подумать о самоотчете правоохранительных органов и судов, о том, что не все ладно не только в датском, но и в нашем не королевстве.

Мы понимаем, что уголовное судопроизводство в одиночестве, без союзников, не в состоянии сделать мир совершенным, избавить его от несправедливости, сладить с многообразием преступности. Оно и споры государства со своими гражданами (имеется ведь и такой взгляд на роль и функции уголовного судопроизводства) без союзников успешно разрешить не сумеет.

Тем не менее, этих целей, сносных результатов по их достижению невозможно достичь и без уголовного судопроизводства.

Мы понимаем также, что ненадлежащим образом организованное УСП само по себе может стать продуцентом особых видов преступности. Как практическим работникам нам эта опасность особенно ясна. Эти особые виды преступности (коррупция, например, «беловоротничковая» преступность) при благоприятных для них условиях срastaются с другими видами преступности, становясь неотъемлемой составной частью такого особого, можно сказать, комплексного вида преступности, как организованная.

Мы должны также сказать: **кто не борется с организованной преступностью, со всякой преступностью, тому придется воевать с терроризмом.** С середины 80-х годов формулировка «борьба с преступностью» в качестве характеристики задачи уголовного судопроизводства стала исчезать из специальной литературы. Кто заменял ее на стыдливый *контроль преступности*, кто начинал говорить о *разрешении споров* между государством и правонарушителем. Если И. В. Михайловский предлагал «не вмешивать в борьбу с преступностью» только суд, то из сегодняшних высказываний, нередко можно сделать вывод, что и все уголовное судопроизводство этим делом не должно заниматься.

Чем же оно должно заниматься? К достижению какой цели стремиться? Какие задачи решать? Наряду с этим, кто должен конструировать и формулировать эти цели и задачи?

Нам представляется, что значительная часть негативных последствий для практики УСП порождена нечетким, подчас путаным, а иногда и искаженным представлением о том, для решения каких задач создана такая отрасль государственной деятельности, как уголовное судопроизводство. Для достижения какой цели ведется производство по каждому уголовному делу?

При этом неизвестно, что опаснее. Путаница, намеренно вносимая в систему уголовного судопроизводства намеренно – заинтересованными субъектами или распространившийся дилетантизм. Научный, начальничий, исполнительский.

Желание ответить на эти вопросы и разобраться с системой целеполагания в уголовном судопроизводстве вообще и в современном отечественном, в частности и особенности, осуществить телеологический анализ состояния и тенденций развития современного отечественного уголовного судопроизводства и породило выбор объекта нашего внимания.

⁸ Состояние преступности в России за 2002–2004 гг. – М.: ГИЦ МВД РФ, 2005.

При этом важно уточнить, что при использовании терминов «проблемная ситуация» и «проблема» мы используем терминологию и понятийный аппарат таких отраслей знаний, как *системный подход* и *системный анализ*.

Для начала – совсем просто: под *проблемной ситуацией* в нашей монографии понимается *состояние системы, нуждающееся в преобразовании*.

Другой употребленный в подзаголовке термин – *проблема*. Для нас – это *осознанная* и сформулированная проблемная ситуация. Осознание включает в себя описание проблемной ситуации и тех ее свойств, которые порождают необходимость в преобразовании системы. Специалисты в области системного анализа полагают, что «первоначальная формулировка – лишь очень приблизительный намек на то, какой именно должна быть действительно рабочая формулировка проблемы. На самом деле, – утверждают они, – любая исходная формулировка проблемы является лишь «нулевым приближением»⁹. Эти же авторы утверждают: «Системное исследование всякой проблемы начинается с расширения ее до проблематики, то есть до нахождения системы проблем, существенно связанных с исследуемой, без учета которых она не может быть решена».¹⁰ Нам думается, что излишняя категоричность приведенных суждений объясняется специализацией авторов и их основной аудиторией. И те и другие – системные аналитики, исполнители заказных работ по системному анализу. Они исходят из существования фигуры заказчика. А заказчик, как правило, требует к себе рыночного отношения.

Приведенные оценки исходных формулировок проблем могут быть обусловлены и тем теоретически неожиданным для нас обстоятельством, что цитируемые нами авторы не выделяют понятия *проблемная ситуация*, и их оценка формулировки проблемы заказчиком, по существу, представляет собой оценку представленной *последним межведомственной заявки на разрешение именно проблемной ситуации*.

По нашему мнению, абсолютизация и категоричность этих суждений нуждается в некотором смягчении. Мы бы сказали так: когда речь идет об исследовании диссертационном, где – по определению – все должен делать один человек, один индивидуальный исследователь, некоторые исходные формулировки проблемы могут быть достаточно полными, проблема в таких случаях может включать в себя и частично, а иногда и полно, разработанную и достаточно работающую систему проблематики.

Когда функции исполнителей разделены, вполне пригодна для применения позиция, изложенная В. В. Мыльником и его соавторами.

В нашем осознании о наличии насущной необходимости в преобразовании **системы современного отечественного уголовного судопроизводства** свидетельствует ряд факторов. Среди них, в первую очередь, неэффективность, ненадежность и несправедливость современного отечественного уголовного судопроизводства¹¹.

Указание на «*три НЕ*» отечественного уголовного судопроизводства вовсе не означает, по нашему мнению, что в отношении западноевропейского и американского судопроизводства эти «не» должны быть преобразованы в «*три ДА*». Доводы, побуждающие нас сделать такую оговорку – в дальнейшем тексте.

Одной из основных причин наличия в отечественном уголовном судопроизводстве *проблемной ситуации* «трех НЕ» является, на наш взгляд, неразработанность в его теории *проблемы* целеполагания. От этого нередкая рассогласованность и дисфункциональность стадий

⁹ Мыльник В. В., Титаренко Б. П., Волочиенко В. А. Исследование систем управления: Учебное пособие для вузов. – 2-е изд., пере-раб. и доп. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – С. 147.

¹⁰ Мыльник В. В., Титаренко Б. П., Волочиенко В. А. Указ. соч. – С. 147.

¹¹ См.: **Томин В. Т.** Острые углы уголовного судопроизводства. – М.: Юрид. литература, 1981. – С. 4–5; **Томин В. Т., Поляков М. П., Попов А. П.** Очерки теории эффективного уголовного процесса. – Пятигорск, 2003. – 164 с.; **Томин В. Т., Попов А. П.** Эффективное уголовное судопроизводство. – Пятигорск, 2003. – 114 с.

уголовного процесса и функций-задач государственных органов и должностных лиц, в нем участвующих.

Собственно, то обстоятельство, что мы не только имеем возможность указать на наличие проблемной ситуации, но и дать ей афористичное название, должно, видимо, свидетельствовать о том, что осмысление наличной, существующей проблемной ситуации началось.

Конечно, в целом разработанность **проблемы целеполагания** в правовых науках криминального цикла низкая, недостаточная для формирования целостной системы законодательства и детерминации справедливой, эффективной и надежной, жизнеспособной системы уголовного процесса.

Речь идет не о теории или концепции целеполагания: ее в современной отечественной уголовно-процессуальной науке просто нет. Мы пока говорим лишь о проблеме целеполагания как необходимом условии разработки его теории или концепции. Не только теория, но уже и проблема-разработка не должна ограничиваться указанием на набор терминов и снабжением их дефинициями. Это описание *содержания* системы.

Задачей конструирования проблемы является и установление соотношений между элементами системы целеполагания при рассмотрении их в реалиях живого уголовного процесса. Это, на наш взгляд, структура целеполагания в уголовном процессе.

Если же говорить о целях работы, то мы поставили перед собой осмысление теоретико-методологических и практико-прикладных, уголовно-процессуальных и законодательных аспектов целеполагания в уголовном процессе. Мы поставили перед собой задачу на основе имеющегося и вновь полученного знания осуществить разработку, структуризацию и обоснование системы целеполагания в уголовном судопроизводстве (ее элементов – целей, задач, функций и их взаимоотношений между собой (структуры) как необходимого условия оптимизации отечественного уголовного судопроизводства).

1. Нам хотелось сконструировать, сформулировать и обосновать концепцию целеполагания в современном отечественном уголовном судопроизводстве, при этом выявить, описать, структурировать и оценить эу- и дисфункциональные взаимосвязи (взаимоотношения) и взаимодействия в системе и элементах целеполагания в современном отечественном уголовном судопроизводстве.

2. Изначально цель уголовного процесса нами понимается как желаемый результат, для достижения которого ведется производство по каждому уголовному делу, а задачи уголовного судопроизводства – функции такой отрасли государственной деятельности, как уголовное судопроизводство. Положительный или отрицательный результат в решении этих задач обусловлен совокупностью результатов, достигаемых по отдельным уголовным делам.

3. Необходимо было также разобраться с соотношением неоднозначно толкуемых в законодательстве и специальной литературе поименованных в пп. 3 и 4 понятий, выявить эу- и дисфункциональность в соотношениях доктринальных систем и элементов целеполагания, сконструированных в науках криминального цикла (уголовного процесса, уголовного права, уголовной политики, криминологии, криминалистики, судостроительства) и их соотношение с системой и элементами целеполагания в современном отечественном уголовном судопроизводстве.

4. Выявить, описать и проанализировать эу- и дисфункциональности в соотношениях систем и элементов целеполагания, проведенных в соответствующих системах законодательства криминального цикла и конституционном праве.

5. Осуществить сравнительно-правовое исследование целеполагания в названных (в п. 6) отраслях науки и (в п. 7) отраслях законодательства государств СНГ (стран постсоветского пространства).

6. Выявить элементы содержания целеполагания, необоснованно или недостаточно обоснованно включаемые в цель уголовного процесса, непосредственные задачи стадий, другие

подвергнутые анализу объекты и обосновать необходимость или отсутствие таковой, характер и степень их коррекции.

7. Соответствие функций-задач государственных органов и должностных лиц уголовно-процессуальным функциям, которые на них возлагаются, проанализировать, не являются ли некоторые заботы¹²; возлагаемые на УСП и его участников в современном отечественном варианте уголовного процесса, излишними; разработать и предложить рациональные компромиссы для разрешения обнаруживающихся в связи с этим противоречий между излишествами (или отсутствием таковых) процессуальной формы уголовного судопроизводства, прав или обязанностей участников уголовного процесса и целью уголовного процесса.

8. Осуществить углубленное исследование направлений и процедур оптимизации досудебного производства.

9. Создать графическое отображения содержания и структуры целеполагания в уголовном судопроизводстве – дерево целей в уголовном процессе.

10. Попытаться согласовать терминологию целеполагания в различных отраслях права и науках криминального цикла.

Особо хотелось бы отметить, что современное отечественное уголовное судопроизводство, рассматривается нами, в отличие от традиционного подхода, не как идеальная законодательная модель, не как совокупность правовых норм, а как феномен реальной жизни в определенных условиях места и времени, как система деятельности его участников с основными ее детерминантами. Среди этих детерминант, конечно же, уголовное право, но далеко не только оно одно.

Целеполагание в современном отечественном уголовном процессе как способ его оптимизации: сущее и должное

Рабочая гипотеза – это еще не гипотеза. Или – уже не гипотеза. При второй позиции – это инструментарий исследования. Наверное, надо сказать больше: это инструментарий исследователя, выдвинувшего и проверяющего определенную рабочую гипотезу.

У Бертрана Рассела в его весьма своеобразной книге, в словарной статье, озаглавленной «Гипотеза, действие в соответствии с гипотезой», находим следующие слова: «...недостаточно признать, что все наше знание в той или иной степени зыбко и неопределенно; необходимо в то же время научиться действовать в соответствии с лучшей гипотезой, но без догматической веры в нее».¹³

Мы предположили, что целеполагание, его процедуры и результат должны образовывать (должное) объективно обусловленный целеустремленный костяк соответствующей, в данном случае современной отечественной системы уголовного судопроизводства.

Познание любых объективных закономерностей и проведение их в жизнь осуществляется людьми или их совокупностями, последнее особенно характерно для проведения познания, точнее выводов из него, в жизнь. Таким образом, любое целеполагание (а в нашем случае целеполагание в сфере уголовного процесса) есть субъект-объектный процесс.

Субъективные опасности (субъективизм на различных уровнях, вплоть до бытового) процесса целеполагания в уголовном судопроизводстве многократны. Прежде чем результаты целеполагания станут реально детерминировать в конкретных условиях места и времени определенный уголовный процесс, они должны будут преодолеть:

1) опасность искажения при познании объективных закономерностей;

¹² Употребленному нами слову *забота* здесь не придается значение специального термина. Мы употребляем его в обычном смысле, можно сказать, в литературной окраске.

¹³ Рассел Б. Философский словарь разума, материи и морали / Пер. с англ. – К.: Port-Royal, 1996. – С. 60.

- 2) опасность субъективизма при интерпретации исследователем полученных результатов;
- 3) опасность субъективизма при составлении исследователем информационного сообщения о своем открытии (составление сообщения в СМИиП, информирование законодателя или правоприменителя, иные средства передачи информации о познанной закономерности);
- 4) опасности искажения и субъективизма оценки сообщения воспринятого законодателем;
- 5) опасности искажения и субъективизма оценки сообщения воспринятого правоприменителем (профессиональная инерция, профессиональные предубеждения);
- 6) опасности искажения законодателем полученной информации при трансформации выводов из нее в правовые нормы; некомпетентность индивидов, входящих в законодательный орган;
- 7) опасность влияния на законодательный процесс других субъективных детерминант;
- 8) опасность вхождения новых норм в противоречие с индивидуальным и групповым (профессиональным) правосознанием правоприменителя;
- 9) опасность субъективных расхождений в правосознании среди участников процесса целеполагания и внедрения его результатов.

Было бы неверным во «Введении» обойти вопрос о методологии, в русле которой и писалась монография... Методология как термин в самом общем смысле используется для обозначения, как минимум, двух понятий. Во-первых, так обозначается учение о методе как феномене бытия, во-вторых, – учение о методах человеческой деятельности, в том числе познавательной. В настоящей работе, если иное прямо не оговорено, мы, как правило, исходим из второго значения этого термина: методология деятельности по познанию явлений объективной реальности, познавательной деятельности.

Конкретная совокупность методологических знаний может быть структурирована в качестве самостоятельной отрасли знаний, самостоятельной науки. Таковой, в частности, является методология познавательной деятельности. Эта методология имеет общие, к тому же не до конца демаркированные, границы с такой наукой наук, как философия и с гносеологией, рассматривающейся в разных источниках и как раздел философии и как самостоятельная отрасль знаний. Первая ситуация более распространена.

В связи с ростом диапазона векторов познания и, следовательно, разнообразия его методов, наряду с всеобщей методологией в последние десятилетия появляется потребность в отраслевых и иных специальных методологиях познания. Специальные методологии познания обычно выступают в качестве весомых, относительно самостоятельных содержательно и структурно, частей отраслевых наук.

Методология анализируемых в монографии явлений – диалектический материализм. Его устои позволяют нам, в пределах целесообразности, использовать полезные методы других современных философских систем, к примеру, разрабатываемую неопозитивистами *верификацию* теорий и гипотез (принцип верификации). Нам использование процедур верификации представляется полезным, в частности, для проверки судом процессов доказывания-обоснования, осуществляемых сторонами, или оценки стороной познания-доказывания, осуществляемого противной стороной.

Термин и понятие *верификации* не слишком распространены в отечественной уголовно-процессуальной литературе, в том числе и в большом числе источников по теории доказательств. Поэтому в обоснование целесообразности использования некоторых элементов методологии неопозитивизма (впрочем, случается наименование для обозначения школы и термин *эмпиризм*) мы приведем выписку из работы Бертрانا Рассела.

«Когда вначале появляется утверждение, а затем – очевидность, существует процесс, называемый «верификацией», предполагающий очную ставку утверждения с очевидностью. ... Очевидность должна заключаться в чувственном опыте или в серии таких опытов»¹⁴.

Нам также представляется весьма важным акцент, проставляемый Кемеровым В. Е.: «на стыке М<етодологии> познания и М. обыденной деятельности людей обнаруживаются изменения характера М.: из М. общих норм и правил деятельности она превращается в М. постановки и прояснения человеческих проблем»¹⁵. Внимание к человеческому фактору (человечности, духовности, справедливости) в разрешении проблем уголовного судопроизводства характерна для последних работ А. В. Агутина. Достаточно сказать в этой связи, что один из параграфов его последней монографии именуется так: «Место совести в уголовно-процессуальном доказывании»¹⁶.

Без особой опасности ошибиться можно утверждать, что на настоящем этапе развития правовой науки всеобщая методология разработана основательнее и глубже, чем методологии отраслевые. Достаточно взглянуть в большинстве авторефератов по правовым наукам на фрагменты, посвященные методологии и методам исследования.

Что касается конкретных, используемых в работе методов, то должны заметить, что под методом исследования мы понимаем совокупность принципов, правил, приемов и требований, которыми надлежит руководствоваться при восприятии, описании и анализе соответствующего объекта.

Методы познавательной деятельности классифицируются по различным основаниям деления. Широко распространено их деление по степени (объему) охвата исследуемой действительности. Различают четыре таких группы: (1) всеобщие (универсальные); (2) общенаучные; (3) частно-научные и (4) специальные.

К сегодняшнему дню в сравнении с частнонаучными методами оказались более разработанными не только всеобщий метод, но и методы обще-научные.

Методики исследования описаны в тех местах текста сочинения, где они применяются.

Новизна нашего подхода к этой важной проблеме считается по осени – по полученным результатам. В частности, она результируется идентификацией и рассмотрением проблемной ситуации. В современной отечественной уголовно-процессуальной литературе целеполагание ни на содержательном, ни на операциональном, ни на аксиологическом уровне исследованию авторами монографий еще не подвергалось.

Проблемная ситуация эта заключается, во-первых, в серьезной рассогласованности целеполагания в современном отечественном уголовном судопроизводстве и коррелирующих с ним отраслей государственной деятельности – административной, оперативно-розыскной.

Рассогласованность содержательная начинается с отсутствия терминологической научной строгости как в теоретической и учебной литературе, так и в законодательных текстах.

Думается, если бы подобные монографии были распространены и были востребованы законодателем, действующий УПК РФ имел бы совсем другой вид, чем тот, который он имеет сейчас, а вот дополнений и изменений к нему предлагалось бы и принималось гораздо меньше...

Рассмотрение целеполагания в УСП может быть адекватным реальному положению дел в государстве и обществе, в том числе действительному положению личности и состоянию защиты его обществом и государством средствами уголовного судопроизводства, лишь при условии сочетания, взаимодействия теории и практики профилактики, уголовно-процессуаль-

¹⁴ Рассел Б. Словарь... – С. 39.

¹⁵ Современный философский словарь / Под общей ред. В. Е. Кемерова. – 2-е изд. испр. и доп. – Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск: «Панпринт», 1998. – С. 488.

¹⁶ Агутин А. В. Мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании: Монография. – М., 2004. – С. 353–374.

ной и оперативно-розыскной деятельности с одноименными отраслями науки и учебными дисциплинами, теорией и практикой законодательства в этой сфере. Обратит внимание необходимо на соответствие целеполагания состоянию материального уголовного права, а также интересам и намерениям политической власти.

1.1. Авторские определения следующих понятий: «целеполагание в уголовном судопроизводстве», «цель уголовного процесса», «факультативные элементы цели уголовного процесса», «задачи уголовного судопроизводства», «непосредственная задача стадии», «вторичная задача стадии», «цель доказывания» и ряда других.

1.2. Содержание и структура целеполагания в современном отечественном уголовном судопроизводстве.

1.3. Дерево целей современного отечественного уголовного судопроизводства.

В своем сегодняшнем состоянии уголовное судопроизводство обладает недостаточной для обслуживания населения пропускной способностью. Оно не в состоянии выполнить все заявки на обслуживание, иными словами, не в состоянии надлежащим образом прореагировать на все сигналы о признаках преступлений.

Однако, как показывает сколь-нибудь обстоятельный и объективный анализ практики, тенденции последних полутора десятков лет, направленные на увеличение штатной численности правоохранительных органов и судов, не только исчерпали себя, но и повлекли серьезные негативные последствия.

В этой связи мы полагаем, что при сегодняшнем положении вещей резервы увеличения эффективности УСП лежат не столько в увеличении штатов, в умножении числа работников, занятых в этой сфере общественно-необходимой деятельности, сколько в рационализации форм и обрядов УСП, оптимизации функций-задач государственных органов, ведущих производство по делу, повышении квалификации их персонала, очень возможно – при существенном уменьшении их численности при кратном увеличении зарплаты.

Задачи правового регулирования различных аспектов доказывания – его процедур, допустимости и релевантности доказательств, использования результатов оперативно-розыскных мероприятий и пр. и пр., по нашему мнению, должны быть направлены не на ограничения средств доказывания, а на его надежность и эффективность в конкретных жизненных условиях.

Предложения по совершенствованию нормативных актов и практике их применения

1. Уголовно-процессуальное законодательство, издание нормативного правового акта, даже их системы, – не цель государства и/или общества, оно – средство достижения определенных целей.

2. Внося предложения об изменении и дополнении УПК РФ 2001 г., мы исходили из того, что сегодня общество, его члены и государство нуждаются в Уголовно-процессуальном кодексе переходного периода. Не следует сегодня стремиться создавать правовые нормы на века. Хотя уголовно-процессуальные нормы более устойчивы во времени, чем материальные, все равно норм, эффективных без модификации во все времена, не бывает. В переживаемый страной переходный период нужно стремиться к тому, чтобы они служили интересам законопослушного гражданина, общества и государства именно в этот период.

3. Совокупность дополнений и изменений УПК РФ 2001 г. – см. в Приложениях «Перечень предложений по совершенствованию УПК РФ 2001 года»: «Использование результатов оперативно-розыскных мероприятий в качестве доказательств по уголовному делу допускается при соблюдении двух следующих условий:

1) Если предлагаемые компетентным должностным лицом для применения в процессе доказывания по уголовному делу предмет или документ получены при проведении оперативно-розыскного мероприятия в соответствии с нормами Закона об оперативно-розыскной деятельности;

2) Если при приобщении к уголовному делу представленного предмета или документа и оперировании с ним соблюдены требования уголовно-процессуального кодекса.

При решении вопроса о допустимости использования в качестве доказательства по уголовному делу документа или предмета, полученного субъектом оперативно-розыскной деятельности в результате проведения оперативно-розыскного мероприятия, к процедуре оперативно-розыскного мероприятия требования ее соответствия процедуре, предусмотренной уголовно-процессуальным кодексом, недопустимо».

Это разные отрасли процессуального права.

Необходимым, часто недооцениваемым специалистами уголовного и уголовно-процессуального права условием восстановления социальной справедливости (цель уголовного наказания) посредством производства по уголовным делам, а следовательно, одной из задач, решаемых для достижения указанной цели, является определение виновному наказания с учетом возмещения им причиненного его преступным поведением вреда потерпевшему.

Глава 1. Понятие целеполагания в уголовном судопроизводстве и его дефиниция. Иерархия целей и задач в УСП

Первая обязанность права, каковы бы ни были его другие обязанности, состоит в знании того, чего оно хочет.

Норберт Винер.

*Кибернетика и общество*¹⁷.

Целеполагание, термин, заявленный нами уже в самом наименовании нашего сочинения и повторенный в названии его первой главы, в специальной литературе употребляется не то чтобы широко, но употребляется. Однако у составителей словарей, словарей-справочников и т.п. источников он популярностью не пользуется. И это несмотря на то, что составление и издание всевозможных словарей и справочников переживает сейчас период расцвета.

Начиная размышлять над различными аспектами целеполагания, мы с большим вниманием знакомимся с трудами предшественников, с теми немногими уголовно-процессуальными, и не только уголовно-процессуальными (последних, в частности философских, существенно больше), работами, в которых их авторы занимались вопросами целеполагания, его структурой и аксиологией в уголовном судопроизводстве, в частности, такими элементами его реализации, как цель уголовного процесса, задачи уголовного судопроизводства, их соотношение друг с другом и т.п. Ссылки на ряд из них последуют в тексте монографии в дальнейшем.

Здесь же нам бы хотелось указать лишь на некоторые из работ, которые нам представляются наиболее интересными. В 2004 г. в Луганске издана книга под ироничным наименованием: «Ненаучные заметки о некоторых научных проблемах уголовного процесса»¹⁸. Работа эта принадлежит перу Б. Г. Розовского, исследователя, длительное время проработавшего следователем и прокурором-криминалистом в системе прокуратуры СССР. Первое же эссе в этой книге поименовано так: «Кое-что о цели уголовного процесса и первом закрытом семафоре на пути ее достижения».¹⁹

Видимо, то обстоятельство, что оба мы с Б. Г. – практики, обусловило мое согласие с ним по многим позициям.

Дабы избежать спора о словах и дисциплинировать свое собственное изложение, мы сочли целесообразным предпослать дальнейшему изложению текста дефиницию целеполагания в том аспекте, в каком этот термин употребляется в нашей работе.

Целеполагание – это мыслительная деятельность, заключающаяся в осмыслении проблемной ситуации²⁰, переводе ее в ходе системного анализа в **проблему**²¹ и

¹⁷ **Винер Н.** Кибернетика и общество/ Пер. с англ. – М.: Изд. иностранной лит., 1958 г. – С. 117.

¹⁸ **Розовский Б. Г.** Ненаучные заметки о некоторых научных проблемах уголовного процесса: Эссе. – Луганск: РИО ЛАВД, 2004. – 600 с.

¹⁹ **Розовский Б. Г.** Указ. соч – С. 17–130.

²⁰ Вообще-то термин проблемная ситуация употребляется, по крайней мере, в тех смыслах: 1) *ситуация, нуждающаяся в разрешении, иначе – система, нуждающаяся в преобразовании*; 2) атрибут или событие человеческого бытия и деятельности, который проявляется как требующее осмысления препятствие в их достижении; 3) осознание субъектом, индивидуальным или групповым, невозможности разрешить трудности и противоречия, возникшие в ситуации, с которой он столкнулся, ресурсами наличных познания и опыта. В нашей монографии, если иное прямо не оговорено, этот термин употребляется в смысле, обозначенном (1) и выделенном курсивом.

²¹ Проблема – 1) *осознанная проблемная ситуация (см.) и сконструированные или хотя бы указанные пути ее разрешения (преобразования системы)*; 2) неотъемлемое свойство объекта или субъекта (*атрибут – см.*), человеческого бытия и/или деятельности, который проявляется как затруднение в их продолжении и/или сохранении; 3) осознание субъектом невозможности разрешить противоречия, иные трудности, возникшие в данной ситуации, средствами наличных познания и опыта.

предполагающая на выходе создание дерева целей, предназначенного и пригодного для разрешения той проблемной ситуации, которая и послужила началом для размышлений (для мыслительной деятельности).

Анализ любой из отраслей человеческой деятельности, носящей целевую устремленность, на наш взгляд, не только целесообразен, но и необходим. Начинать подобный анализ надобно с уяснения ее (отрасли деятельности) цели, ее задач и соответствия обычно применяемых в практике этой деятельности и рекомендуемых для применения в ней наукой и практикой (управляющими параметрами соответствующих систем) средств и методов, способов их достижения поставленной цели (термин *цель* употреблен в единственном числе намеренно – это позиция! – обоснование см. ниже) и задачам.

Подчеркнем, наличие управляющих параметров, упомянутых двумя абзацами выше, характерно для кибернетических систем. В синергистских системах управляющие параметры отсутствуют. В синергестской системе ее организация, ее организационная структура возникают и внутренние действия, внутренние перестройки происходят без внешнего воздействия, за счет местных взаимодействий между компонентами системы, которые включают («запускают», говорит В. П. Прытков)²² внутренний механизм самоорганизации.

Всякая цель (в философской детерминации) представляет собой планируемый, ожидаемый, предвосхищаемый конечный результат деятельности человека (или коллектива людей), предопределяющий выбор соответствующих средств и систему специфических действий²³. Это с одной стороны. С другой – цель является способом интеграции различных действий человека в некоторую последовательность, сиречь систему, и выступает в качестве непосредственного мотива, направляет и регулирует различные действия²⁴. Без цели нет деятельности. Даже блуждание в лабиринте имеет свою цель – выйти из лабиринта. Ариадна снабдила своего возлюбленного средством для достижения этой цели. И с тех пор цель и средства ее достижения неразлучны при анализе любой деятельности, уголовно-процессуальной в том числе.

А вот падение судьи с кровати во время сна – не деятельность. Именно потому, что в перемещении человека с постели на пол отсутствует целеполагание. В случайном падении с кровати нет и средств. Нет цели – нет средств достижения цели.

Будучи усвоенными индивидуальным и групповым правосознанием и институализированными цели начинают выступать «как ценности, становятся определенными стандартами отношений или поведения. Подобные ценности переживаются уже не как нечто просто желаемое, но чтимое, и если они становятся нормами, то служат одним из важнейших факторов устойчивости общественной системы»²⁵.

«Понятие «цель» – пишет Т. Парсонс, – всегда предполагает соотносительность с будущим состоянием, которое либо в настоящий момент не существует и не будет существовать, если актором²⁶ что-то не будет для этого сделано, либо, наоборот, желаемое состояние существует, но оно не остается неизменным, если актер не предпримет для этого каких-то действий»²⁷.

Термин многозначен и употребляется, особенно в устной речи и публикациях (обнародованиях СМИиП), и в др., не всегда строгих значениях. В нашем труде термин «проблема» понимается в первом из указанных значений.

²² **Современный философский словарь** / Под общей ред. В. Е. Кемерово. – 2-е изд. испр. и доп. – Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск: «Панпринт», 1998.

²³ См.: **Философский словарь** / Под ред. И. Т. Фролова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М., 2001. – С.646; **Современная философия: словарь и хрестоматия**. – Ростов-на-Дону, 1995. – С. 87.

²⁴ См.: **Казакевич Т. А.** Целесообразность и цель в общественном развитии. – Л., 1969. – С. 45–46; **Материалистическая диалектика: Краткий очерк теории**. – М., 1980. – С. 169; **Философский словарь**. – М., 1981. – С. 406; **Философский энциклопедический словарь**. – М., 1983. – С. 763; **Чанышев А. И.** Аристотель. – М., 1987. – С. 74.

²⁵ **Малько А. В., Шундинов К. В.** Цели и средства в праве и правовой политике. – Саратов, 2003. – С. 13.

²⁶ Даже компьютер взбунтовался от слова «**актер**». Конечно, не русское оно. Однако цитируем и вынуждены использовать слово, которое переводчик, видимо, произвел от слова «акт».

²⁷ **Парсонс Т.** О структуре социального действия. – М., – С.96.

Забегая несколько вперед, скажем, что для нашего труда более близок второй из названных случаев, ибо материальное уголовное и уголовно-процессуальное право, уголовно-процессуальное судопроизводство как отрасль государственной деятельности нацелены на сохранение (защиту) условий существования и развития общества.

С позиций практических, чтобы формулируемая цель не оказалась продуктом творчества гоголевского Манилова, для дальнейшего разговора хочу напомнить самому себе, путевой знак поставить:

- 1) достижение цели, наряду с самыми точными теоретическими и даже практически приемлемыми формулировками, должно быть обеспечено необходимыми средствами;
- 2) для ее достижения должно быть отпущено достаточное время;
- 3) деятельность по достижению должна осуществляться пригодными для этого исполнителями;
- 4) в разделяющем замысел управляющего параметра окружении системы, среды ее функционирования.

При соблюдении названных условий – больше шансов к тому, чтобы полагать цель реальной.

Определение понятия «цель» позволяет многое. Во-первых, глубже уясняешь сущность, внутреннюю логику и назначение как уголовного судопроизводства в целом, так и отдельных его стадий; во-вторых, можно попытаться исчислить в сопоставлении с другими детерминантами социальную и индивидуальную ценность уголовного процесса как важного инструмента управления государством и обществом; в-третьих, при сопоставлении цели со средствами ее достижения, с такими устоями соответствующей отрасли деятельности, как ее принципы, лучше понять противоречия, существующие между ними, равно как и разобраться с причинами противоречий, обнаруживающихся между нормами регламентирующей отрасли права и субъективными факторами соответствующей реальной деятельности; в-четвертых, определиться в стратегии и тактике законодательной и уголовно-процессуальной деятельности; в-пятых, решить многие проблемы, связанные с эффективностью данной отрасли деятельности.

Глава 2. Цель отечественного уголовного процесса

По своей природе цели уголовного процесса в разных государственных и предгосударственных образованиях, во-первых, находящихся на исторически сопоставимых уровнях развития и, во-вторых, функционирующих в сходных условиях, представляются аналогичными. Однако, по нашему мнению, они во всяком случае не тождественны.

Тому есть причины. Среди них:

- 1) своеобразие исторического развития конкретной человеческой общности, включающее в себя социально-экономические, нравственно-религиозные и психологические особенности;
- 2) тесно связанные с ним (с историческим своеобразием) теоретические основы УСП;
- 3) специфика природной среды обитания.

Для последней, в частности, значимо состояние коммуникаций (как путей сообщения (транспорт, дороги, связь), так и способов распространения общественно значимой информации); степень оседлости населения (а для кочевых народов – состояние (сохранение) связей между членами общины во время кочевий); величина и постоянство населенных пунктов, характер межличностных связей между их жителями.

Более детально влияние природной среды обитания и ее социально-экономических, психологических и нравственно-религиозных последствий на детерминацию цели УСП и целей уголовного наказания мы намереваемся рассмотреть позже во фрагменте, посвященном соотношению ЦУП и целей уголовного наказания. Очень ярко, представляется нам, влияние природной среды обитания и ее производных на понимание целесообразных (сообразных с целью сохранения условий существования и развития общества, может быть, лучше сказать – общины) целей наказания и цели УСП проявилось в обычаях и адатах Северного Кавказа в период долгой Кавказской войны (1817–1864), правда, не такой долгой, как Столетняя война между Англией и Францией (1337–1453).

Поскольку мы заявили в качестве методологии своей монографии материалистическую диалектику, нам, наверное, надо отметить, что истмат (исторический материализм), а вслед за ним и юридические науки (не только уголовный процесс, но и криминология, уголовное право) весьма небрежно относились к роли природной среды обитания как детерминанте социального. Однако мы не станем развивать здесь это критическое замечание. Охотников злословить в адрес марксизма сегодня и без нас – среди бывших марксистов – найдется предостаточно.

Конкретизируя сделанное выше утверждение, что цели уголовного процесса в разных государственных и догосударственных образованиях, находящихся на исторически сопоставимых уровнях развития и функционирующих в сходных условиях, представляются аналогичными, однако не тождественными, скажем: ЦУП современного отечественного уголовного процесса имеет черты сходства с аналогичными понятиями в правовой теории стран Западной Европы и США, но в силу различия трех названных выше их детерминант должна иметь и черты различия.

Эти различия связаны, прежде всего, с особенностями государства. Ведь уголовное судопроизводство – это отрасль государственной деятельности с особенностями такой формы государства, которое в западноевропейской государственности именуется правовым. По нашему мнению, при малокритичном заимствовании идей «правового государства», охватившем специалистов, а более того неспециалистов, дилетантов, в последние два десятка лет прошлого столетия имело место следующее упущение: не учитывались, во-первых, проблемы согласования в значительной мере пришлых, взращенных совсем на другой почве идей относительно уголовного судопроизводства с коренными российскими, во-вторых, согласованность идей-пришельцев с общественным правосознанием, в том числе и с профессиональным.

Теперь надобно, что называется, на берегу объяснить содержание терминов и понятий, употребляемых автором в этой главе. Они – инструментарий не только для монографии, но и для элементарного взаимопонимания между общающимися друг с другом юристами.

Правовое государство, как мы его понимаем, характеризуется тремя отличительными (обязательными) признаками:

- 1) верховенством закона;
- 2) разделением властей;
- 3) ответственностью государства перед гражданином.

Ранее автор монографии называл и четвертый отличительный признак «правового государства»: ответственность гражданина перед государством. И делал ошибку, порожденную, как мы теперь понимаем, его российским (евразийским) менталитетом, его увлеченностью идеями тяглогового государства, в механизме которого первичны обязанности. Между тем, про чьи-либо, кроме государства и его чиновников, обязанности нынче не принято говорить.

Одной из причин распространенности наименования «правовое государство», опасаясь мы, является «красивость» слов, в частности, наличие в нем эпитета «правовое». О причинах такого подчеркивания (иронии мы не скрываем) – попозже.

Концепция правового государства, особенно в тех суетливых образах, в которых она подается сегодня на Руси, обязанности индивида перед государством и обществом в большинстве случаев просто игнорирует, оставляет без внимания. Это обстоятельство нашло отражение в процессуальных статусах многих участников уголовного процесса.

Заметим, концепция правового государства, по нашему мнению, мало пригодна для делового анализа многочисленных и многообразных функций-задач современного отечественного государства. С ее позиций даже теоретически достаточно трудно объяснить необходимость и правовую возможность защиты экологической безопасности общества, а этого никто из пользующихся этой терминологией и не объясняет. Красиво говорить про защиту окружающей среды – вот и говорят. Между тем, основой для защиты экологической безопасности общества является уже не правовое, а социально ориентированное государство.

Хотелось бы обратить внимание еще на следующее, на наш взгляд, важное обстоятельство. Социально ориентированное (в иной терминологии – социальное) государство отграничивается от соседей (от других разновидностей государственных образований) своими функциями-задачами, т.е. функциональными признаками, тем, что именуется правовым государством – признаками структурными. Во всяком случае, структурными являются те три признака правового государства, которые мы назвали выше.

«Государство Правды» и «тягловое государство» как оппоненты понятию «правовое государство»

Евразийцы, мы знаем это, есть и сейчас. Другими словами, правда, называют себя. Наверное, было бы неэтично называть их имена, ибо, по нашему мнению, среди них по крайней мере четверо – руководители стран СНГ, возникших на территории «убиенного СССР» (термин, который нередко употребляет В. Т. Томин).

Что касается представителей науки... Отметим, что евразийцы первой половины XX века (Н. Н. Алексеев, П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский, Н. С. Трубецкой, Г. В. Флоровский и др.), а вряд ли кто из непредубежденных специалистов сможет это отрицать, исходили из того, что Россия – страна евразийская²⁸, полагали, что понятие «правовое государство» – это инструментарий западноевропейской философии права и ее амбициозных, хотя и не всегда (а может

²⁸ Под термином «евразийская, евразийское» в настоящей статье фигурируют два понятия: евразийская – страна, территория которой раскинулась как в Европе, так и в Азии; евразийское – тип государства (государство обязанностей).

быть, правильнее будет сказать: как правило) *недостаточно информированных о российской и иной внеевропейской действительности*, представителей, которые ограниченное (частное), свое пытаются представить как всегда общее.²⁹ Мы специально выпятили определение «свое». Наверное, понятно почему.

Такая же ситуация сложилась нынче с термином «цивилизированные» государства. Западно-европейская традиция (с США на ее дальней восточной окраине) вкладывает в него такое содержание, которое характерно для их собственного бытия и образа мышления. Между тем, цивилизации бывали и бывают разные.

Наверное, не случайно А. С. Пушкин специально выделяет из общего понятия цивилизации цивилизацию европейскую.³⁰

Само слово «цивилизация», несмотря на его латинские корни (*civilis* – гражданский, государственный, политический, подобающий гражданину)³¹, – западноевропейское по своему генезису. По П. Я. Черных, оно было запущено в обращение Оноре де Мирабо, непостоянным и переметчивым деятелем Великой Французской революции, (в 1756 г.)³², распространилось в Германии и Франции, получив современное значение в XIX веке³³.

Выводы историка-этимолога несколько опровергает соображение, высказанное в свое время Ф. Энгельсом: «По отношению к гражданам публичная власть первоначально существовала только в качестве полиции... поэтому простодушные французы XVIII века и говорили не о народах цивилизованных, а о народах полицизованных (*nations policees*)»³⁴. Что подлаешь, Ф. Энгельс тоже жил в Европе и в основном исходил в анализе из того, что видел из окна своего дома, и даже если с вершины баррикад, то европейских. Единственное серьезное исключение в его работах в этом плане – анализ бытия американских индейцев, основанный, впрочем, также на анализе европейца Моргана в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Вернемся, однако, к шее, касающейся евразийского типа государства, к русской традиции и российской сущности (менталитету) в понимании евразийского государства. Вслед за евразийцами нам представляется, что для российских традиций характерно не правовое государство, а государство правды. «Не веру бог любит, а правду», – предвосхищая евразийцев, писал Иван Пересветов.³⁵ По Пересветову, «государство правды» – это государство, жизнь в котором устроена по евангельским заповедям.

Евангелие же, заметим, сосредоточивает свое внимание отнюдь не на правах – на обязанностях, в том числе на обязанностях относительно соблюдения (для граждан) и обеспечения, гарантирования (для должностных лиц) прав других граждан государства. Евангелие вовсе не призывает верующих судиться с государством. Власть от Бога, внушает оно. Кстати, само слово «судья» в том смысле, в каком оно употребляется в Книге судей Израилевых, мало чем отличается от употребляемого в той же книге слова «царь»³⁶. Приведем лишь одну иллюстрацию

²⁹ Заметим, к слову, что чрезмерные амбиции нередко приводят к незамечаемому невежеству. Восточная окраина Западной Европы – США – которые нынче всячески поносят Ирак, элементарно упускают из виду такие обстоятельства, как например, преподавание в Багдаде юриспруденции уже в 4-м веке.

³⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 12 т. – Т. 12. – С. 110.

³¹ Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь: ок. 50 000 слов. – 3-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1986. – 840 с.

³² Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь: ок. 50 000 слов. – 3-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1986. – 840 с.

³³ Там же.

³⁴ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения: В 3-х т. – М.: Политиздат, 1983. – Т. 3. – С. 314–315.

³⁵ Пересветов И. А. Челобитные // Чтения Имп. общ. истории. – СПб.: Ржигой, 1908. – С. 66.

³⁶ Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. (Канонические) / В русском переводе; С Параллельными местами. – М.: «Новая жизнь – Советский Союз»; миссионерское общество «Campus Crusade for Christ International», 1991. – С. 258–285.

сказанному: Книга судей оканчивается следующим стихом: «В те дни не было царя у Израиля; Каждый делал то, что ему казалось справедливым»³⁷.

Такая позиция, заметим, перекликается с устоями мусульманского права, с позициями исламских правоведов. Шариат (или Шар, в переводе – «путь следования») «указывает мусульманину, как он должен в соответствии с религией вести себя, не различая... в принципе его обязательств по отношению к себе подобным (гражданские обязательства) и по отношению к богу (молитва, пост и т.д.)»³⁸. Обратим внимание на две вытекающие из характеристики, предлагаемой Р. Давидом, особенности мусульманского права.

Первая особенность. Оно акцентирует внимание на обязанностях. Если обязанности будут добросовестно исполняться, то корреспондирующие им права тоже окажутся реализованными. Таким образом, Шариат основан на идее обязательств, возложенных на человека, а не на правах, которые он должен защищать.

Вторая особенность. Подобное тому, что говорится об английском праве, мы можем сказать и про мусульманское право, – это право процессуалистов. Уже само наименование Шариата – «путь следования» – говорит о том, что на первом плане процедуры, процессуальное право.

Вот как решается вопрос с весьма значимой частью материального уголовного права – санкциями. «...Санкцией за невыполнение обязанностей, возлагаемых на верующего, является грех того, кто их нарушает, поэтому мусульманское право уделяет не особенно много внимания санкциям, устанавливаемым самими нормами»³⁹.

Есть еще одна особенность исламского права. В отличие от более нам (в силу исторических особенностей развития) знакомого западно-европейского, оно распространяется только на отношения между мусульманами. Если обвиняемый или потерпевший не мусульманин, Шариат отношения между разнорелигиозными сторонами не регулирует⁴⁰.

Заметим, что мусульманское право во многом не одиноко в такой правовой идеологии. Подобные же идеи или их аналоги лежат также в основе иудейского и индусского права, правовых систем Дальнего Востока (Китайская Народная Республика, Япония).

³⁷ Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. (Канонические)... Книга судей Израилевых. – С. 21, 25.

³⁸ Давид Р. Основные правовые теории современности (Сравнительное право). – М.: Прогресс, 1967. – С. 386.

³⁹ Давид Р. Основные правовые теории современности (Сравнительное право). – М.: Прогресс, 1967. – С. 386.

⁴⁰ Давид Р. Указ. соч. – С. 386.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.